

ГРУЗИЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

*“Земля грузин, ты так мала!
Не тыщевёрстным протяженьем
могуча ты, — а притяженьем и человека, и орла”.*
Евгений ЕВТУШЕНКО.

РОССИЯ ОГЛЯНУТЬСЯ

ФОНД
РУССКИЙ
МИР

*“Россия защитила нашу страну
от безысходности и разорения...”*

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ.

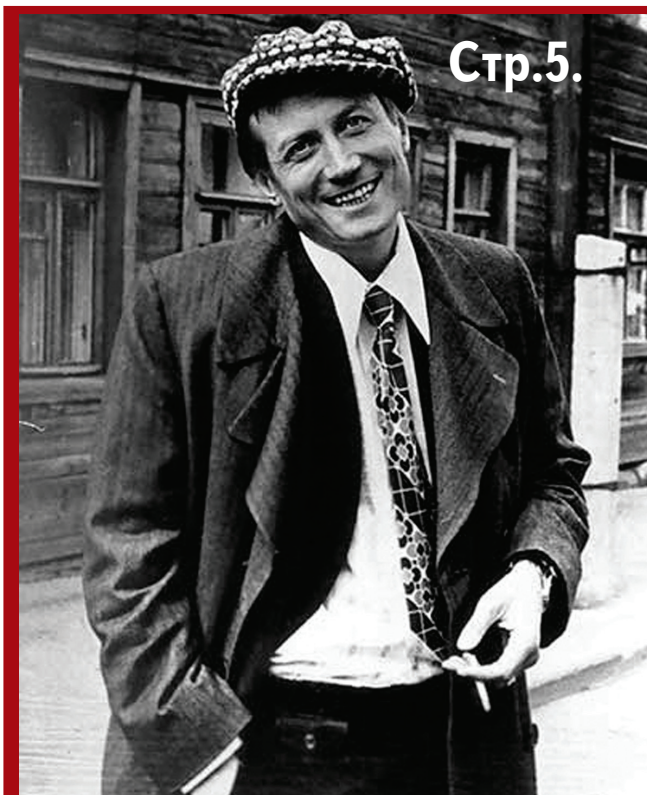
Распространяется бесплатно.

ОКТАБРЬ 2021 г. №1 (7)

НАМЕСТНИК ВОРОЖЦОВ:
ГРАЖДАНИН, ВОИН,
ТОПОНИМ, ПАМЯТНИК

Стр.5.

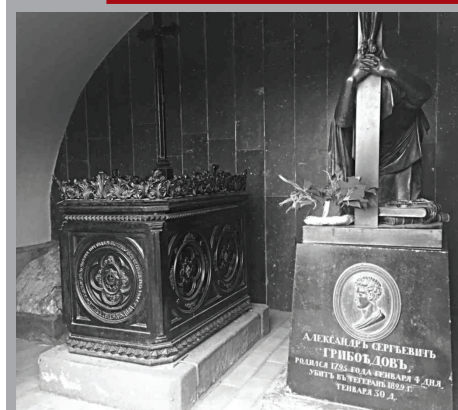
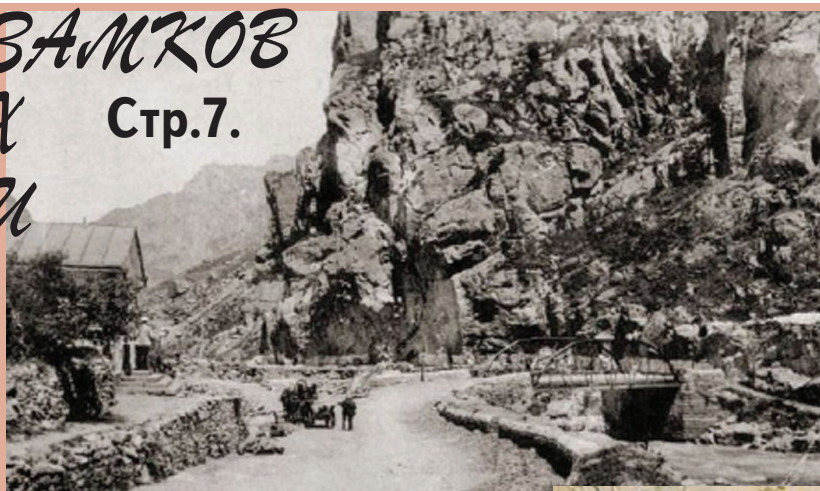
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН:
дружба на всю жизнь

Стр.3,8.

И БАШНИ ЗАМКОВ
НА СКАЛАХ
СМОТРЕЛИ
ТРОЗНО
СКВОЗЬ
ТУМАНЫ

Стр.7.

Стр.6.

ГРИБОЕДОВСКИЕ
МЕСТА

Стр.4.

“В ВАШИХ
ПЕСНЯХ
СЛЫШЕН
РОКОТ
ВАШИХ
РЕК”

ПОСОЛ ЕЕ
ВЕЛИЧЕСТВА

Стр.2.

В ЛАБИРИНТЕ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ РИФОВ

1768 ГОД. Русско-турецкая война набирает обороты. Вокруг русского посольства в Константинополе собралась толпа бесчинствующих людей, пытающихся прорваться в здание и расправиться с его обитателями. Появилась группа вооруженных османов, оттеснившая толпу. Предводитель османов поднял руку, велев возбужденным людям замолчать. Затем потребовал отворить ворота посольства и с десятком вооруженных людей вошел в здание. Навстречу непрошеным гостям вышел посол Алексей Михайлович Обрезков. Главный из турков подошел к послу и взялся за ятаган. В этот момент из-за спины Обрезкова выскочил молодой переводчик посольства Сергей Лашкарев, недавно прибывший из Петербурга, и прикрыв собой старшего дипломата.

- Благодарю за отвагу, Сергей Лазаревич! — сказал Обрезков, мягко отстраняя Лашкарева и выходя вперед.

- Что вам угодно, господи?

- Вас требует к себе великий визирь, — грозно ответил турок.

Обрезков и еще 11 русских дипломатов отправились к визирю, где были арестованы и отправлены в длительное заточение, в котором находились до конца войны. А на молодого дипломата Сергея Лашкарева (Лашкарашвили) легла ответственная миссия на все годы русско-турецкого противостояния — представлять в Константинополе российскую сторону.

Сергей Лашкарев родился в 1739 году. Он считается представителем старого поколения петербургской грузинской колонии и видной фигурой русского внешнеполитического ведомства XVIII века.

С. Лашкарев происходил из старинного рода грузинских дворян (отец его Лазарь Григорьевич Лашкарашвили-Бибилури выехал в Россию с царем Вахтангом VI в 1724 году). Он получил хорошее образование в одном из петербургских городских училищ, что было обычно для дворян среднего достатка. Затем стал готовиться к дипломатической деятельности, оформился «студентом» Государственной коллегии иностранных дел, где изучал европейские и восточные языки. Кроме родного, грузинского, а также русского языков, он выучился итальянскому, французскому, турецкому, арабскому, греческому, персидскому и армянскому, что значительно облегчило его дипломатическую деятельность на Ближнем Востоке. Незаурядный талант дипломата и государственного деятеля проявился в нем с первых же лет службы.

В 1767 году Коллегия иностранных дел направила С. Лашкарева в Константинополь переводчиком в русское посольство. Однако, в связи с разразившейся в то время (1768 г.) войной между Турцией и Россией, русский посол в Константинополе Обрезков, как уже сказано, был заключен в тюрьму, почему молодому дипломату фактически пришлось вести делами посольства и всеми сношениями с турецким правительством. Как и следовало ожидать,

турки установили за Лашкаревым усиленную слежку, но ему удавалось вести переписку с заключенным А. Обрезковым, с графом А. Орловым (командовавшим русским флотом в архипелаге) и с главнокомандующим русской армией графом П. Румянцевым. Лашкарев оказывал поддержку начавшемуся тогда движению протеста в некоторых районах Греции; организовал отправку через Голландию в Россию под разными иностранными фамилиями русских купцов, которых в Константинополе застала война и т.д. В условиях напряженных русско-турецких отношений ему удалось четыре года пробыть в Константинополе, продолжая успешное исполнение своих обязанностей.

К этому периоду относится еще одна любопытная история, связанная с Лашкаревым. Как-то дипломат очутился в особняке зажиточного турецкого купца. Когда местные фанатики-мусульмане узнали, что в доме находится христианин, они собрались у здания, вознамерившись его сжечь.

Лашкарев не растерялся. Вместо того чтобы прятаться и ждать неизбежного трагического конца, он выскочил на балкон с тазом воды и на чистом турецком языке объявил, что, если люди сейчас же не разойдутся, он всех начнет крестить святой водой. Толпа на мгновение замерла, а потом фанатики начали разбегаться кто куда.

В 1771 году С. Л. Лашкарев вернулся в Россию, зарекомендовав себя опытным дипломатом. Он некоторое время работал в Коллегии иностранных дел, приняв участие в Фокшанском конгрессе (1773 г.).

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Лашкарев был направлен в район Дарданеллы и в Константинополь с важными официальными и секретными поручениями, которые успешно выполнил.

В Константинополе Лашкарев вошел в близкое знакомство с отдельными членами дивана Османской порты, что обеспечило ему весьма важный дипломатический успех в переговорах. Он добился пропуска через Дарданеллы не только русских торговых, но и военных кораблей, что шло вразрез с существующей конвенцией. С этого времени (1776 г.) и вплоть до середины XIX века русские военные суда

ПОСОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

фактически пользовались правом прохода через Дарданеллы.

Не лишены интереса обстоятельства женитьбы молодого Сергея Лашкарашвили. Он сделал предложение дочери швейцарского генерального консула Дюнанта, но отец девушки, будучи весьма богатым человеком, узнав, что жених не знатный сановник, а простой служащий русского посольства, решил, что он соблазнился приданым его дочери, и категорически воспротивился браку. И только благодаря вмешательству Екатерины II — через чрезвычайного посла князя Н. В. Репина и его супруге, брак состоялся.

Чтобы показать величие России, поднять авторитет посольства и его дипломата, по велению Екатерины II бракосочетание справлялось так пышно, что даже султан выезжал полюбоваться красивейшим свадебным кортежем. На следующий день после свадьбы Сергей Лазаревич снял со своей жены дорогое подвенечное платье и другие ценности и вместе со всем ее приданым отослал тестю обратно, чем крайне удивил Дюнанта...

В 1779 году Лашкарева назначили консулом в Синоп. Позже высочайшим указом он был определен генеральным консулом в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Оставаясь на этой должности до 1782 года, он в переговорах с Турцией добился значительных успехов в области торговли и приема переселенцев, обеспечил русским торговым судам право свободного входа в Дунай и снижение пошлин с русских товаров, провозимых в Молдавию и Валахию.

Это было время, когда Россия начинала выходить к Черному морю — области господства Турции, и ей крайне нужен был морской опорный пункт. Наиболее подходящей для этой цели была Ахтиарская гавань (Севастополь), которую русские занимали временно. Присоединение к России Крыма с Севастополем было бы делом большой государственной важности, к чему русская корона стремилась давно.

Дипломата Лашкарева вызвали в Петербург и в мае 1783 года назначили резидентом при крымском хане; ему секретно поручили способствовать присоединению Крыма к России.

Сергей Лазаревич действовал, как всегда, изобретательно, умело и добился неограниченного доверия и уважения со стороны хана Шагин-Гирея, сумев убедить его отказаться от сношений с Османской портой и просить покровительства Екатерины II. Это был первый важный успех на пути ликвидации ханства, и присоединения его к екатерининской короне. Впоследствии, по совету Лашкарева, хан Шагин-Гирей переселился в Россию.

Таким образом, когда-то грозное Крымское ханство, — эта цитадель и плацдарм Турции, — господствовавшее на территории Крымского полуострова и северного Причерноморья и наводившее страх на соседей своими набегами, теперь было ликвидировано без единого выстрела.

В 1787 году Турция, желая вернуть себе Крым и восстановить свое господство в Грузии, объявила войну России. К концу изнурительной четырехлетней войны Лашкарев по поручению главнокомандующего Потемкина ездил неоднократно в турецкий лагерь для неофициальных переговоров с пашой Мустафой-Бепрактаром (ставшим потом великим визирем) о перемирии на выгодных для России условиях, что ему и удалось успешно осуществить.

При заключении в 1791 году мира с Турцией Лашкарев был третьим уполномоченным России и, присутствуя на всех 13-и конференциях в Яссах, подписал мирный трактат, по которому подтверждалось присоединение Крыма к России. Турция также признавала русско-грузинский трактат 1783 года и отказывалась от дани, а также от притеснения христианской церкви Имерети. Кардинал Толедский, присланный из Рима, передал Лашкареву официальную благодарность от папы за заботы о судьбе и нуждах католиков, интересы которых во время переговоров он защищал. Затем некоторое время Лаш-

карев управлял Молдавией, после чего был назначен членом Государственной Коллегии иностранных дел, где ведал азиатскими делами, пользуясь правом личного доклада императрице.

Между грузинскими царями Ираклием II, а потом Георгием XII и Сергеем Лазаревичем велась собственноручная переписка на грузинском языке. Ираклий II в одном из писем к С. Лашкарашвили (от 3 февраля 1797 года), возбуждая в нем патриотические чувства как в сыне Грузии, просил оказать содействие при высочайшем дворе его полномочному министру Гарсевану Чавчавадзе. Речь шла о спешной присылке русских войск в Грузию, о возвращении грузин, взятых в плен Ага Магомет-ханом, и о суде в размере одного миллиона рублей, необходимой Грузии для восстановления разрушенных агрессорами городов, строительства дорог и укрепления военной и хозяйственной мощи края.

Когда после смерти Ираклия II правительство царской России обсуждало вопрос о лишении Грузинского царства автономных прав, Лашкарашвили не был сторонником полного упразднения Карл-Кахетинской автономии Грузии. Он вместе с видными государственными сановниками — графом С. Воронцовым, вице-канцлером кн. В. Кочубеем не поддерживал такого решения. Но их мнение не было услышано.

В 1807 году Сергей Лазаревич по вызову министра иностранных дел явился в Тильзит, в главную квартиру, где велись в это время русско-французские мирные переговоры между Александром I и Наполеоном I, а оттуда был направлен в Яссы и в Бухарест для управления Молдавией и Валахией.

Плодотворная государственная деятельность Лашкарева высоко оценивалась правительством Екатерины II. Его одаривали крупными поместьями, деньгами, орденами; он был возведен в чин тайного советника. Екатерина особо отблагодарила его за успехи по присоединению к России Крыма. Она извлекла из собственной шкапулки и вручила ему перстень с крупным бриллиантом, а также покрыла его долг в 12 тысяч рублей. Когда Екатерина спросила: «Долг ли я буду покрывать ваши долги?», Лашкарев ответил: «До тех пор, государыня, пока я не начну красть казенные деньги». В знак особого уважения Екатерина дала ему разрешение на право личного доклада и появление с супругой при дворе в дни торжественных приемов.

Фельдмаршал Потемкин, в знак особенного своего расположения, отдельно одарил его крупным имением (в 3 300 десятин) с садом в Крыму и заказанным для него в Венеции дорогим перстнем. Умер С. Л. Лашкарашвили в 1814 году.

Сергей Лазаревич оставил шестерых сыновей и дочь. Многие из его ближайших потомков также стали видными деятелями России. Среди них сын дипломата — Григорий Сергеевич Лашкарев (1788 года рождения) — видный государственный деятель, губернатор, сенатор. В 1813 году, определившись на военную службу, он принимал участие в целом ряде сражений против наполеоновских войск. После полученного ранения в 1821 году был вынужден оставить военную службу и, выйдя в отставку в чине подполковника, переключился на военно-административную работу; дослужился до чина генерал-лейтенанта.

В течение 23 лет Григорий Сергеевич последовательно занимал в западных губерниях высокие должности.

Своей прогрессивной деятельностью обращает на себя внимание также внук дипломата Сергей Сергеевич Лашкарев (1817 года рождения), писатель, журналист, общественный деятель. Умер в 1869 году.

Второй внук дипломата, Петр Александрович Лашкарев, видный ученый, профессор Киевской духовной академии, подвизался в области гуманитарных наук; ему принадлежит более десяти солидных трудов церковноисторического и исторического содержания.

Гиули АНАСАШВИЛИ.

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

НАМЕСТНИК ВОРОНЦОВ:
ГРАЖДАНИН, ВОИН,
ТОПОНИМ, ПАМЯТНИК

Было время, когда эта площадь в столице Грузии называлась именем основателя научного коммунизма Карла Маркса. Сейчас она носит имя города-побратима Тбилиси — Саарбрюкена, но... Бегут годы, проходят десятилетия, одни государства рушатся, другие возникают на их обломках, но коренные горожане по-прежнему называют эту площадь Воронцовской: «Где живешь? — На Воронцовской!», «На этой маршрутке я до Воронцовской доеду? — На этой не доедешь. Поезжай на той!». Многие произносят это имя на автомате, часто не задумываясь о его смысле и значении. Воронцов, кто он? Чья это фамилия?

Граф Михаил Воронцов — царский наместник на Кавказе, человек, наделенный тогдашним императором Николаем Первым неограниченными полномочиями. Занимал этот пост с 1845-го по 1854 год. Оставил неизгладимый след в истории Кавказа и, в частности, Тифлиса.

Начнем с того, что сформированная в Закавказье и на Северном Кавказе новая административная единица, известная как Второе Наместничество, объединяла несколько губерний.

«Николай I специально по Воронцову придумал новую должность — кавказский наместник, — напоминает историк Амиран Урушадзе, — в отличие от своих предшественников, Воронцов получил почти безграничную власть. Министры были не вправе контролировать его деятельность, а по особенно важным вопросам Воронцов обращался напрямую к царю».

Центром и местом проживания наместника, как и следовало ожидать, стал Тифлис. Это сразу изменило статус города. Дом главнокомандующего на Кавказе по этой причине был перестроен в более представительную резиденцию, в результате в главном городе Грузии в 1847 году появился Воронцовский дворец.

Михаил Воронцов познакомился с Грузией и Кавказом еще во времена Павла Цицианова, при котором служил обычным офицером в стоящем здесь лагере военном соединении. Он с уважением относился к грузинскому народу, его языку, истории и культуре Грузии, ценил местные обычаи и традиции. Предыдущие царские назначенцы не признавали компромиссов, они, как правило, полагались на военную силу и жесткость правления. На фоне подобных властителей М. Воронцов особенно выделялся. Он лично объездил весь край и ознакомился с каждым его уголком, что не делал ни один правитель до него.

Амиран Урушадзе: «Вторники и субботы — приемные дни наместника. В полдень у него собирались генералы и гражданские начальники, тифлисская аристократия, влиятельные купцы, а также офицеры и чиновники, только

что прибывшие и желавшие представиться наместнику. Эти служебные приемы проходили в полуофициальной атмосфере и были довольно шумными. Воронцова не пугали, он сам с неизменной, ставшей легендарной улыбкой обходил гостей, переговаривал о делах, любезничал. После обхода приемной наместник уходил в отдельную небольшую комнату для приема просителей».

Время наместничества князя Михаила Воронцова стало переломным моментом, разделившим историю Кавказа на «до» и «после». Воронцов был человеком нового склада, который не считал «штыки и картечь» единственным средством воздействия на народ.

Новый наместник первый начал воспринимать Кавказ не как покоренную территорию, а как землю, о которой следует заботиться. Понимание этого факта и стало толчком к проведению многочисленных прогрессивных реформ, преобразивших этот край. Амиран Урушадзе: «Воронцов был высшей властью на Кавказе, именно к нему обращались как к последней надежде. Его просили о помиловании, об отсрочке долга, о восстановлении справедливости. Воронцова нельзя назвать безупречным филантропом, он часто отказывал просителям, но при этом всегда был подчеркнуто вежлив и улыбчив».

Чтобы лучше осознать, с каким багажом прибыл на Кавказ Михаил Воронцов и понять смысл его реформаторской деятельности, надо глубже вникнуть в биографию этого незаурядного человека.

Детство и молодость будущий наместник провел при отце, Семёне Романовиче, затем учился в Лондоне, где получил блестящее образование. Военную службу начал в октябре 1801 года поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. В 1803 году по собственной просьбе был прикомандирован к кавказским войскам, во главе которых стоял уже упомянутый князь Павел Цицианов, грузин по происхождению, который участвовал в русско-персидской войне и в боевых дей-

ствиях против горцев. Отличился при штурме Гянджи и едва не погиб во время боевых действий в Закавказском ущелье.

Амиран Урушадзе: «Стиль наместничества Воронцова радикальным образом отличался от манеры его предшественников на Кавказе. Цицианов и Ермолов пытались управлять с помощью страха, Воронцов правил, не запугивая».

В начале XIX века в Европе уже гремело имя Наполеона Бонапарта. Михаил Воронцов перебирается на европейский театр военных действий. В кампании 1807 года, командуя 1-м батальоном Преображенского полка, участвовал в битве под Фридрихсдорфом. В Отечественную войну 1812 года Воронцов находился сначала

раненых генералов и более 300 нижних чинов. Граф взял на себя расходы на раненых, которые достигали 800 рублей ежедневно. После выздоровления каждый солдат, перед отправкой в действующую армию, снабжался одеждой и солидной суммой денег.

Едва поправившись, Воронцов вернулся в строй. Участвовал во взятии Познани, осадах Кюстрина и Магдебурга, в сражении под Денневицем и в «битве народов» под Лейпцигом.

В сражении при Краоне боевые отряды под командованием Воронцова мужественно противостояли самому Наполеону.

Весной 1823 года начинается гражданская карьера Воронцова. Он назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. Граф берется за дело, как говорится, засучив рукава. Занимается земледельческой и промышленной деятельностью. Под его руководством Одесса превращается в крупный торговый центр, в Крыму появляются такие новые производственные отрасли, как виноградарство и виноделие. Строится новый дворец в Алушке, появляется шоссе, окаймляющее южный берег полуострова, Воронцов учреждает в Одессе Общество сельского хозяйства Южной России, в деятельности которого лично принимает активное участие. Многим обязана ему и одна из важнейших отраслей новороссийской промышленности — разведение тонкорунных овец. В Никитском ботаническом саду в Алушке Воронцов заложил основы садово-паркового искусства в регионе.

В 1844 году в жизни графа происходит крутой поворот: он назначается главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными, как уже было сказано, полномочиями и оставлением в прежних должностях.

Прибыв в Тифлис 25 марта 1845 года, он вскоре отправился на левый фланг Кавказской линии для принятия начальства над войсками, готовившимися к походу против Шамиля. Война с вождем независимых горцев была крайне тяжелой, кровопролитной. После занятия Анди, сопряженного с величайшими затруднениями, военные соединения Воронцова двинулись к временной резиденции Шамиля — аулу Дарго. Овладение аулом и в особенности дальнейшее движение через непроходимые леса сопровождалось большими опасностями и крупными потерями. К счастью для Воронцова, определенные военные неудачи не сказались на его дальнейшей карьере. Высочайшим указом, от 6 августа 1845

года, наместник кавказский, генерал-адъютант, граф Михаил Семёнович Воронцов был даже возведен в княжеское достоинство Российской империи.

Амиран Урушадзе: «Воронцов, которого оставляли последние силы, покинул Кавказ весной 1854 года. Кавказская война продолжалась еще десять лет, но решающим ударом стало поражение Шамиля, сдавшегося в плен князю Александру Барятинскому 25 августа 1859 года. По одной из версий, триумфатор как-то произнес: «Мне досталась жатва воронцовского посева».

Примерно с этой поры Михаил Семенович Воронцов получает возможность значительную часть своего времени посвящать вопросам мирной жизни.

Амиран Урушадзе: «Тифлис и другие города наместничества превратились в огромные строительные площадки. Благоустроились центральные улицы, росли новые предместья. Столица наместничества приобрела европейский лоск, но сохранила восточный колорит».

Следует напомнить, что до Воронцова все 40 лет в Тифлисе ничего не строили: был возведен только дворец главнокомандующего, 1-я гимназия и арсенал. При Воронцове все изменилось: появились два театра, первые библиотеки и первая газета «Кавказ», начал издаваться журнал «Цискари», учрежден Кавказский музей, в Тбилиси и Кутаиси открыты женские училища и гимназии имени Св. Нино, созданы специальные училища для мусульман, расширилась сеть школ. На обучение детей грузинского дворянства в высших учебных заведениях России было выделено за счет казны 160 стипендий. Воронцов покровительствовал изучению и популяризации грузинской культуры и истории, реставрации исторических памятников, церквей и монастырей, а также изданию древних грузинских текстов. По его заданию Дмитрий Мегвинетухуцесишвили провел археологические изыскания и описал древнюю крепость Уплисцихе.

Было сооружено несколько мостов, в том числе Воронцовский (сейчас Саарбрюккенский) и знаменитый Сухой мост (1851).

Амиран Урушадзе: «Сон наместника продолжался обычно восемь-девять часов и завершался пробуждением около шести часов утра. Ранними утренними часами наместник дорожил особенно, так как посвящал их личным делам. Однажды, прослав

Стр. 8.

На иллюстрациях: наместник Кавказа граф Михаил Воронцов; памятник Воронцову на площади его имени в Тифлисе.

КОРНИ БРАТСТВА

“В ВАШИХ ПЕСНЯХ СЛЫШЕН РОКОТ ВАШИХ РЕК”

Михаил Шолохов ступил на грузинскую землю, будучи классиком русской литературы, 19 июня 1961 года. Он прилетел из Ростова в Тбилиси на самолете, в аэропорту автора “Тихого Дона” и “Поднятой целины” встречали секретари ЦК компартии Грузии Павел Кованов, Георгий Джибладзе, редактор газеты “Коммунисты” Давид Мчедлишвили, первый секретарь правления Союза писателей Грузии Ираклий Абашидзе, народный поэт Георгий Леонидзе...

Из аэропорта гостя отвезли в правительственную резиденцию в Цхнети. Ираклий Абашидзе вспоминал:

“Собравшись вместе, стали намечать планы на дни пребывания Шолохова у нас, обсуждать, какие уголки Грузии показать ему в первую очередь

— Может, начнем с Рустави, он под боком у Тбилиси? — высказал предположение один из нас.

— Рустави? — переспросил Михаил Александрович.

— Да, Рустави — молодой город, выросший на грузинской земле в послевоенные годы. Столица нашей металлургии... Сталинский завод, химкомбинат, трубопрокатный, производство капролактама...

Шолохов молчал.

— А что, если начать с мест более отдаленных — и территориально, и исторически? С Вардзиа, например? — предложил кто-то другой.

— А что это за место — Вардзиа? — спросил Михаил Александрович.

— Высеченный в скалах город, эпоха Шота Руставели, одиннадцатое—двенадцатое столетия...

— Туда и отправимся. Заводов я повидал немало. Мне хочется посмотреть Грузию, познакомиться с ее историей, с руставелевскими местами... Лучше начинать дело отсюда, откуда оно начиналось в веках.

На следующий день мы взяли путь на Вардзиа. Дорога в этот древний город все время тянется по ущелью реки Куры, вверх по ее течению, почти к самым ее истокам... Этот край считается одним из главных колыбелей культуры Грузии”.

Михаила Шолохова поразили высеченный в скале древний пещерный город Вардзиа, писатель с огромным интересом обходил бесчисленные залы, останавливался перед фресками, просил подробнее рассказать об этом уникальном памятнике прошлого.

“Какая рука превратила скалы в город! — воскликнул гость. — Кто был тот мастер-исполнитель, который высекал в твердом камне эти грандиозные залы! Такое мог построить только героический народ! Я счастлив, что видел и понял прошлое Грузии”.

Михаил Шолохов побывал в Мцхета, поднялся на гору, где возвышается Джвари — памятник VI века, проехался по Военно-Грузинской дороге.

Писатель побывал в Кахети. Встречался с виноградарями, хле-

В начале этого года ушел из жизни известный грузинский и российский журналист Бесик Пипия.

“Мы лишились выдающегося журналиста, автора блестящих интервью, репортажей, аналитических статей, уникальных фотографий. Сердце сжимается, когда подумаешь о том, что этот талантливый мастер уже никогда ничего не напишет”, — так откликнулся на смерть журналиста председатель Координационного Совета российских соотечественников в Грузии Николай Свентицкий. Бесик Пипия был другом нашей редакции, с интересом следил за рубрикой “Грузия-Россия: остановиться, оглянуться”, обещал написать для нее статью, говорил, что в его архиве — большое количество интересных тем, связанных с историей российско-грузинских взаимосвязей. Увы, не получилось.

В память о Бесике Пипия мы предлагаем вниманию читателей его очерк посвященный визиту в Грузию Михаила Шолохова.

боробами, учителями. Произносили тосты за высокие горы, за создателей обильных хлебов, вина, любви, слушал грузинские песни.

“В ваших песнях слышен рокот ваших рек, — заметил писатель. — Грузинский народ — гениальный композитор!”

Поднявшись в резиденцию грузинских царей — Сигнахи, писатель произнес: “Сигнахи выстроили, наверное, для того, чтобы любоваться этой чудесной Алазанской долиной. Действительно, удивительная у вас страна. Какие просторы! Не зная красоту Алазанской долины — преступление”.

В Цинандали Михаил Шолохов побывал в Доме-музее Александра Чавчавадзе, в книге посетителя оставил запись: “Свято храните все то, что связано с именем Чавчавадзе, с историей Грузии, с историей трогательной любви Грибоедова. Это наша общая история издревле родственных культур, горестная и милая сердцу история ушедших в бессмертие”.

За шесть дней Михаил Шолохов объездил пол-Грузии. Кто-то поинтересовался у писателя: не утомился ли он? “Нет, — последовал ответ. — Любовь не утомляет. Я увидел много радостного и окрыляющего. Здесь для меня все было родным, близким, дорогим. Очень сожалел, что я до сих пор не был в Грузии”.

... Находясь в Тбилиси, Михаил Шолохов сказал сопровождавшему его в поездке по Грузии Ираклию Абашидзе: “Как жаль, Ираклий, что мы не встретились с Колей Шенгелая на его родине”. А потом добавил: “Покажи мне детей Шенгелая...”. Но в тот момент сыновей кинорежиссера Николая Шенгелая — Эльдара и Георгия — не оказалось в Тбилиси, они находились на съемках где-то в горах.

Писатель поведал, что три десятка лет назад он познакомился с Николаем Шенгелая, через него узнал о Грузии и полюбил ее. А свел их роман “Поднятая целина”. В 1933 году Николай Шенгелая на тбилиском вокзале в газетном киоске купил случайно книгу “Поднятая целина”. Дочитывая последние страницы романа, кинорежиссеру пришла идея поставить по нему фильм. Вскоре он встретился с Михаилом Шолоховым и получил согласие на экранизацию книги. Заключили творческий союз, договорились о работе над сценарием.

Затем Николай Шенгелая, второй режиссер Николай Санишви-

ли, оператор Антон Поликевич выехали в станицу Вешенская к Михаилу Шолохову. Каждый вечер автор “Поднятой целины” писал литературный сценарий, Николай Шенгелая перечитывал эти наброски и делал в них свои режиссерские правки. Вместе со съемочной группой Михаил Шолохов разъезжал по хуторам и станицам, знакомя киношников с бытом и особенностями казачьей жизни, показывал действитель-

ных прототипов героев своего романа.

“Закончив литературную обработку материала, я смело вверю режиссеру для воплощения моих идей и мыслей в полноценное кинематографическое произведение, — писал Михаил Шолохов. — Наша совместная работа над сценарием показала, что Шенгелая понимает меня и одинаково со мной думает о героях “Поднятой целины”. Это позволяет надеяться, что в героях фильма я узнаю близких мне, созданных мною людей...”

Когда режиссерский сценарий был завершен, из Москвы в Вешенскую поступило сообщение о прекращении работ над съемками фильма. Без предварительных разговоров и объяснений. На дворе стоял 1934 год.

... В день отъезда, 25 июня 1961 года, в правительственной резиденции в Цхнети Михаила Шолохова принял первый секретарь ЦК компартии Грузии Василий Мжаванадзе. Тогдашний руководитель Грузии лично проводил писателя до аэропорта. Прибыв в Ростов-на-Дону, писатель отправил в Тбилиси в редакцию

газеты “Коммунисты” телеграмму: “Моим грузинским друзьям. С грустью я покинул вашу чудесную страну. Не так-то уж легко, как вы понимаете, оставлять то, что пришлось к сердцу впритирку. Но, покидая вас, я надеюсь на новую встречу, и еще раз обнимаю вас и желаю вам всего самого доброго. Ваш Шолохов. 25.6.61”.

В газету “Соплис цховреба” автор “Поднятой целины” направил

разных знаменитых иностранных учреждений...”

Писатель остался в колхозе на два дня, познакомился с жизнью чаеводческого хозяйства республики, побывал на чайных и цитрусовых плантациях, слушал рассказы крестьян. Из беседы с колхозником Константином Гуджабидзе писатель узнал, что на Великую Отечественную войну Константин проводил всех своих пятерых сыновей и четверо из них не вернулись домой. В память о погибших писатель вместе с Гуджабидзе посадил в колхозном саду Дружбы четыре мандариновых дерева.

Там же Михаил Шолохов увидел в работе только появившиеся чаеборочные машины “Сакартело”. Писатель произнес: “От души радуюсь тому, что наконец-то будет частично облегчен тяжелый труд грузинских женщин-работниц чайных плантаций”. Перед отъездом Шолохов сделал запись в книге почетных посетителей колхоза: “Рядовой колхозник колхоза имени Ленина, после долгого отсутствия побывавший в родном колхозе, восхищен вашими успехами и, покидая гостеприимную землю Натанеби, желает колхозникам и председателю колхоза Гоги Цитлидзе дальнейших успехов, благополучия и процветания. М. Шолохов 21.8.68 г.” Во второй поездке в Грузию Михаил Шолохов посетил Батуми, побывал на озере Рица. Осмотрел курорт, совершил по озеру прогулку на катере, рыбачил. Здесь на сталинской даче ему устроили банкет. Писатель дважды провозгласил тост в память Иосифа Сталина. “Идею романа, над которым я работаю, мне дал еще в годы войны Иосиф Виссарионович Сталин, — рассказал сын тихого Дона. — А вернее, поручил мне написать такой роман. Я ему тогда ответил: “Трудно будет, Иосиф Виссарионович, сочетать обязанности военного корреспондента с работой над романом”. А он сказал: “Всем нам трудно, надо попробовать...”

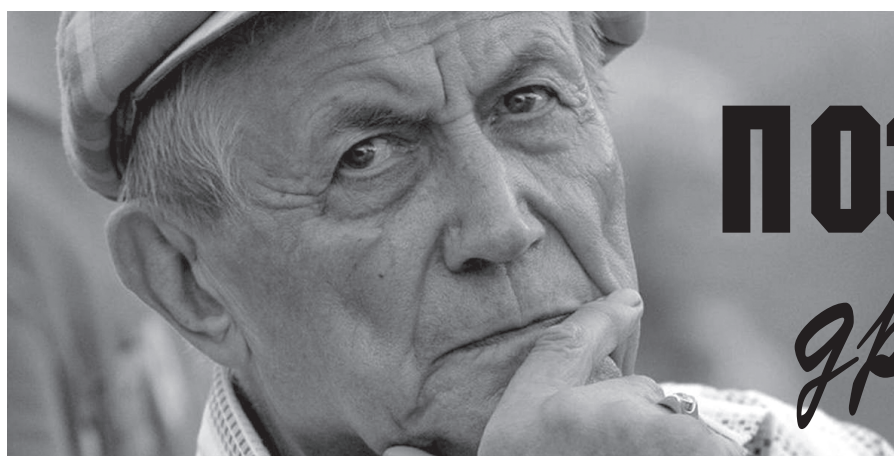
В числе участников застолья был знаменитый абхазский писатель Баграт Шинкуба. Писатели познакомились, разговорились. Баграта Шинкубу задело известие, что Михаил Шолохов пробудет в Абхазии всего несколько часов и успеет осмотреть лишь обезьяний питомник. Абхазский писатель неловко высказался, мол, в Абхазии, кроме обезьян, есть еще древний народ, которым стоило бы поинтересоваться. Вместо ответа Михаил Шолохов пожал плечами и... на память о встрече подарил Баграту Шинкубе финский нож.

На обратном пути автор “Поднятой целины” поднялся на высокий холм над Черным морем и, окинув взглядом другое море — сады цитрусовых, сказал: “Вот она, ваша грузинская поднятая целина!”

Бесик ПИПИЯ.
На снимках: Бесик Пипия; Михаил Шолохов сажает лимонное дерево в саду Дружбы натанебского колхоза. 1968-й год.

НЕЧТО ВЫСШЕЕ

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН: дружба на всю жизнь

“Он был высок, красив, умен и смотрел на мир добрыми, веселыми глазами. Вот если бы так, как он смотрел на людей, знакомых и незнакомых, на соплеменников и инородцев, на горы и море, на леса и степи, смотрели все, кто живет на нашей грешной земле, уверен, давным-давно не было бы ни насилия, ни ненависти, ни грабежей... Поэты России любили, ценили Джумбера. Евгений Евтушенко посвящал ему свои стихи, Александр Межиров в семье Джумбера отпраздновал свое пятидесятилетие. Ему читала Белла Ахмадулина и пел Булат Окуджава”, - вспоминал писатель, журналист Тимур Гайдар.

В своем выступлении на вечере памяти Беташвили поэт отметил, что Джумбера всегда за что-то благодарили, а он обычно отвечал: “Не за что!”. Многим запомнились слова, сказанные Евтушенко во время застолья: “В одном романе я написал, что если бы мне можно было бы воскресить одного человека, то я воскресил бы Александра Сергеевича Пушкина. Так вот, если Господь разрешил бы мне воскресить еще одного, то это был бы Джумбер Сергеевич Беташвили. XXI век нуждается именно в таких людях. Джумбер Беташвили доказал своим примером, “что будущий человек - это тот, кто прежде всего любит свою родину, свой язык, врос глубоко в родную землю. Такой человек вырастает из родной земли и становится подобным дереву, чьи ветви обнимают воздух всего человечества. Вот такими должны быть люди будущего. Я хотел бы, чтобы таких людей в XXI веке было больше!”.

Тимур Гайдар подчеркивал особую миссию Джумбера Беташвили в историческом многовековом диалоге России и Грузии: “Бог мой, сколько российских гениев и высоких поэтических талантов черпали в Грузии вдохновение, скольким помогла и скольких утешила она в их нелегкой, а еще чаще трагической судьбе! И эта удивительная связь

негромко, но естественно и зримо проявилась в жизни Джумбера, одного из достойнейших сыновей Грузии. Вот почему, вспоминая о нем, нельзя не думать о духовности и душе двух народов - ведь ясно, что не только экономические, не только политические интересы, но и нечто высшее всегда, несмотря на ошибки, несправедливости, а порой и преступления правителей, влекло и влечет Россию и Грузию друг к другу”.

“Нечто высшее” влекло друг к другу Джумбера Беташвили и Евгения Евтушенко. Отношениям друзей посвящены стихи врача Ваню Мгалоблишвили, пронизанные горечью и ностальгией по безоблачному, счастливому прошлому:

“Изабелла бродит в чанах древних селений.
За гитарой Джумбер, со стихами Евгений.
Пирс обласкан шелками вечернего бриза.
Рифмой русской души стих грузинский унизан.
И не слышен прерывистый пульс маяка.

Все пьяны от любви, влюблены от стиха.
А маяк надрылся, предчувствуя кровь.
Слезы жен, вопль старух, безысходную боль...
Кипарисы дымят, как потухшие свечи,
Там Джумбера мотив, здесь Евгения речи...”.

В архиве Нелли Беташвили, вдовы Джумбера, сохранился шуточный поэтический диалог Евгения Евтушенко и его сухумского друга, тоже сочинявшего стихи. Неопубликованное стихотворение Евгения Евтушенко называется “Дополнение к “Джумбериаде” и датировано 5 ноября 1979 года. В нем поэт называет Беташвили “факиром полетов и СВ, всех телефонных книг читателем, со всей вселенной в голове” и советует ему “бежать от всех” и “плюнуть на настольный календарь”. В своем ответе Джумбер Беташвили (датирован 14 ноября 1979 года) сохраняет такой же непринужденный, дружеский, шуточный тон.

Один случай, о котором рассказала Нелли Беташвили, произошел за несколько лет до абхазских событий: “Евтушенко приехал в Сухуми, и как раз в это время был напечатан печально известный рассказ Виктора Астафьева “Ловля пескарей в Грузии”. Возмущенный поэт написал письмо протеста и просил Джумбера отвезти его в Москву. Джумбер не смог, и письмо повезла я”.

Гибель друга, война в Абхазии 1992-1993 гг. стали для Евтушенко огромным потрясением. Он посвятил этим трагическим событиям два пронзительных стихотворения - “Джумберу Беташвили” (1994), позднее переведенное на грузинский Джансугом Чарквиани, и “На смерть грузинского друга” (1995). Это настоящие поэтические шедевры, написанные кровью.

Стихотворению “Джумберу Беташвили” (1994 г.) предшествует автограф: “Крестному отцу моего сына, отцу трех дочерей, потерянного без вести во время бессмысленной абхазско-грузинской войны”. В нем поэт вновь создает образ идеального грузина. Герой его стихотворения - “самый красивый из всех людей и даже из всех грузин”, принявший мученическую кончину “не горбясь”. Евтушенко подчеркивает свое духовное родство с погибшим, сопричастность огромной трагедии:

“Что было потом?

Самосуд?

Расстрел?

Но, может быть, ты еще жив?

А я, как мой дом в Гульрипши,

сгорел,

лишь похороны отложив.

А я за тебя остался, Джумбер,

в еще не погасшем огне,

и дыма сожженного СССР

из легких не выкашлять мне”.

Евтушенко рисует страшную картину Сухуми периода братоубийственной войны:

“Сухуми, который ты так любил,

Теперь превратился в ад,

и память о всех поцелуях разбил

на сжатых губах приклад.

Лишь с причитаньями

чья-то жена

кинулась от ворот,

и мандаринную дольку она

вложила в распухший рот.

И только прощально скрипнул

причал,

где в “Амре” нам пел Альбин,

и только отчаянно закричал

под чьим-то кинжалом павлин”.

“Кинулась от ворот”, “отчаянно закричал” - эти словосочетания передают психологическое состояние, ужас людей, вовлеченных в кровавое противостояние. Дважды использованное “и только” - параллелизм - усиливают ощущение трагизма и неотвратимости происходящих событий.

Как всегда, поэт переходит к публицистическим обобщениям, сожжение дома в Гульрипши становится символом широкомасштабного пожара, охватившего все постсоветское пространство:

“Мы все - погорельцы.

Мы - крики в ночи.

Я выжил. С ума не сошел,

но страшновато бренчат ключи
от дома, который сожжен...”

Понятие дома в данном случае тоже расширяется: это не просто и не только конкретный дом поэта в Гульрипши - это тысячи уничтоженных домов и погибших людей. И это - “сожженный СССР”.

Через год Евтушенко вновь обращается к этой теме в стихотворении “На смерть грузинского друга” (1995). Это предельно жесткое, отчаянное поэтическое высказывание. Здесь поэт по-другому говорит о судьбе развалившегося Союза, словно полемизируя с самим собой прежним. Теперь для него гораздо важнее потеря друга.

Евтушенко жалеет о распаде отношений между людьми, народами. “Нам нелегко теперь найтись по голосам”, - сетует Евтушенко. И вновь возвращается к теме взаимоотношений с погибшим другом - для него они превыше всего, говорит об особой духовной близости между собой и Джумбером Беташвили, утверждает приоритет ценностей дружбы:

“Я был немножко им,

он был немножко мной.

Его не продал я,

и он меня не продал.

Я русский. Он грузин.

Кавказ теперь как морг.

Идет людей с людьми

бессмысленная битва.

И если мертв мой друг,

народ мой тоже мертв,

И если он убит -

страна моя убита”.

В своей статье “Завещание Джумбера Беташвили” Евгений Евтушенко вновь говорит о своем отношении к погибшему: “У меня в жизни не было друга, которого я бы любил больше, чем Джумбера Беташвили. Должность его в Совете Министров Абхазии была довольно прозаической - административно-хозяйственная, но он был поэтом жизни, обожавшим людей и жизнь во всей ее неповторимой радужности. Он был бессребреником, зато золотой души человеком. Он делал счастливыми всех вокруг себя, хотя, может быть, жене его было непросто, ибо он так щедро раздаривал всем свое время, что его почти не оставалось для семьи. Он был прирожденным интернационалистом, и во время войны выручал не только грузин, но и русских, и абхазцев, руководя эвакуацией детей и женщин. Свою жену он эвакуировал в последнюю очередь...”

Из журнала
“Мзиури солнечный”, за 1995 год.

ДВЕ ЖИЗНИ

ОДИН ПРОСЛАВИЛСЯ КАК ВОИН,
ВТОРОЙ — ЗАДЕЛАЛСЯ
ТЕАТРАЛОМ

Этот рассказ о двух братьях, имеретинских князьях, и о том, как по-разному сложились их судьбы.

Рассказывает Владимир Гиляровский. В Тамбове на главной площади, пахнувшей постоянно навозом, а в базарные дни шумной и пьяной, были лучшие трактиры — Югова и Абакумыча. У последнего стояли два прекрасных фрейбергских бильярда, к которым и привел меня сыграть партию любитель бильярда Вася в первые дни моего приезда. Но сыграть нам не пришлось: на одном играл с каким-то баритоном в золотых очках местный домовладелец Морозов, в долгополом сюртуке и сапогах бутылками, а на другом — два почтенных, кругленьких, коротеньких старичка.

Один из них, в цветном, застегнутом наглухо до седой бородки жилете, с рубахой навыпуск, нестерпимо скрипел своими сапогами — тогда была мода носить сапоги со скрипом; другой, в прекрасно шитом черном, весьма поношенном сюртуке, неслышно двигался в черных замшевых сапожках, осторожно ступая подагрическими ногами.

Орлиный профиль, коротко подстриженные черные с проседью усы на бритом матово-смуглом лице, освещенном ласковым взглядом черных глаз, остановили на себе мое внимание. Так неожиданно было в тамбовском базарном трактире встретить такой тип.

Он стоял, опершись на кий, и улыбнулся, когда его партнер не сумел положить почти висевший над лузой желтый шар.

— Забил ты меня, князь. Прямо забил... — И старичок в сапогах со скрипом крикнул маркеру: — Федька, неси теплые сапоги!

В это время человек, названный князем, увидел нас.

— А, Вася! Очень рад.

Вася представил меня князю как своего друга.

— Очень рад! Значит, нам новый товарищ! — И крепко пожал мне руку. — “Vos intimes - nos inti-mes!” “Ваши друзья - наши друзья!” Вася, заказывай вина! Икру зернистую и стерлядок сегодня Абакумыч получил. Садитесь. — Князь указал на стулья вокруг довольно большого “хозяйского” стола, на котором стояли на серебряном подносе с княжеским гербом пузатый чайник с розами и две низенькие трактирные чашечки, тоже с розами и золотым ободком внутри. На двух блюдечках лежали крупный

изюм и сотовый мед. На другой половине стола мигом явился графинчик с водкой, икра, балык, тарелки с княжескими гербами и серебряные ложки.

Нам подали бутылку розового кавказского вина, которое князь получил в подарок от своего друга из Озургет. Князь угощал им только лучших друзей и держал его в подвале Абакумыча (старичок в скрипучих сапогах, он же владелец трактира), у которого и квартировал...

А теперь представим братьев: младший — светлейший князь Александр Константинович Багратион-Имеретинский (1837 — 1900), внук царя Имеретии Давида II, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (на снимке). По завершении обучения в пажеском корпусе был определен ко двору, после выпущен в гвардию. Герой Кавказской войны, участник усмирения польского мятежа, начальник штаба Варшавского военного округа, участник переправы авангарда корпуса Радецкого через Дунай 15 июня 1877 года, личный наблюдатель императора при втором штурме Плевны, покровитель и защитник доброго имени генерала Скобелева, начальник особого отряда (2-я пехотная дивизия, 1-я бригада 3-й пехотной дивизии, стрелковая бригада, два казачьих полка и 10 артиллерийских батарей), штурмовавшего и захватившего Ловеч в январь 1897 года командующий войсками Варшавского военного округа, Варшавский генерал-губернатор: “Моя задача доказать полякам на деле, что русская власть печется и заботится об их нуждах и пользах и всегда готова, насколько это от неё зависит, споспешествовать не только их материальным интересам, но и духовным их потребностям, под одним неперменным условием, чтобы они пребывали верными

подданными Императора Всероссийского, сознавая себя гражданами единого и нераздельного русского царства”. Старший — светлейший князь Константин Константинович Багратион-Имеретинский (1827 — 1885). По завершении обучения в пажеском корпусе был определен ко двору. Очень скоро выслужился до высокого звания шталмейстера двора в чине 3-го класса, его ожидала блестящая карьера, но... по служебной надобности князь отправился на самую представительную в России конскую ярмарку — Коренную, и там подружился с Василием Трофимовичем Островским, актером бродячей труппы.

Рассказывает Василий Островский: Труппа была у нас веселая и недурная. Мы только приготовили сцену и репетировали, как приехали придворные. Конюшни их были построены недалеко от театра. Как-то на репетиции зашел молодой чиновник — это и был князь. После репетиции пошли к нам обедать, тут же при театре. Жили мы попросту: большой стол в сенях, кухня рядом. Щи хлебали из общих чашек деревянными ложками. Помню, подали огромный противень — бараний бок с кашей. И князь с нами ест, угощали водкой — не пьет. А бараний бок ему понравился. Своего повара сейчас же прислал учиться, как его жарить. На другой день князь всей нашей труппе ответный обед закатил... Что было! И шампанское, и всяческие бламанжи, и рябчики, а посуда вся с царскими орлами, и служат нам лакеи в ливреях. Сперва молча ели, потом стали стихи читать, монологи, петь начали, а потом уже дошли до точки. А князь смеется да радуется... Пьянью подходят к нему, обнимаются, целуют по актерской привычке, а он ничего, на “ты”, пили... Нашим актрисам почитательно ручки целовал, и никакого ухаживанья (вот в это верится с трудом — братья Багратионы известными художниками числились)! Как с придворными дамами обращался. Потом при прощании всем подарки поднёс. А на другой день опять на репетицию пришел. Да и зачастил. Репетицию всю просидит в кулисе, пьесы брал читать. Вечером всегда в театре в своем обществе, а за кулисы забежит. Прямо жить без нас не мог!..

После ярмарки князь увлекся театром, бросил придворную службу, переехал в Москву и неожиданно для Высочайшего двора, с которым он порвал все отношения, стал играть в любительских кружках. На какие-то, не особенно крупные средства жил очень скромно. Со всеми актерами вел себя по-товарищески, со многими был на “ты”. Звали его все “князь”, но отнюдь не “ваша светлость”...

Рассказывает Владимир Гиляровский. Как-то, уже после того, как я познакомился с князем, я увидел в кабинете Григорьева прошлогоднюю афишу: “В тамбовском театре под управлением К.К. Звездочкина поставлена будет “Свадьба Кречинского”.

Узнаю, что в прошлом году театр держал Звездочкин, известный московский любитель, и что этот Звездочкин и есть князь Имеретинский.

Служить у него считалось за большое счастье: он первый повысил актерам жалованье до неслыханных дотоле размеров.

В Тамбове он останавливался у Абакумыча и был рад, когда ему удавалось “загнать Абакумыча в теплые сапоги” и выиграть у него гривенник на бильярде.

Первый раз он снял театр на зиму у Григорьева, получив откуда-то наследство, которое и ухлопал в один сезон. Потом еще два наследства потерял на антрепризе: несмотря на то, что тамбовская публика охотно посещала театр, расходов не окупали даже полные сборы...

Этот сезон и великий пост мы провели вместе с князем в Тамбове, а через год дружески встретились с ним в Москве, в Артистическом кружке, действительным членом и даже одним из учредителей которого он состоял. Любопытный тип был светлейший князь К. К. Имеретинский...

ТУР ПО ГРУЗИИ: ЧТО ПОСМОТРЕТЬ?

ГРИБОЕДОВСКИЕ МЕСТА

Во все времена Грузия была магнитом для творческих людей. Именно они остро чувствовали уникальную красоту природы, древний национальный колорит, аутентичную культуру, витающую в воздухе пылкость, искренность и страсть. В творчестве многих русских писателей отразилось их пребывание в Грузии.

Грузия даже отложила отпечаток на творческой судьбе великих классиков. Некоторые писатели здесь подолгу

жили, другие проводили здесь всего несколько недель или месяцев.

Иной раз гости грузинской столицы узнают об этом лишь во время прогулок по Тбилиси, по улицам Лермонтова, Грибоедова, Пушкина, и увидев памятники великим русским писателям.

Это позволяют по-новому взглянуть на многие литературные произведения, привычные с детства, и неожиданно переосмыслить их. В историю Тбилиси вписаны имена многих русских писателей. Наш сегодняшний рассказ о грибоедовских местах.

Жизнь Грибоедова больше всех переплелась с Грузией. Впервые он посетил страну в 1818 г. в составе дипмиссии и прожил в Тбилиси около 3-х месяцев. После завершения работы в Персии, спустя 3 года, вернулся в Тифлис, где начал

работу над комедией “Горе от ума”.

В 1828 г. Александр Грибоедов женился на прекрасно образованной грузинской княжне Нино Чавчавадзе, которая была на 17 лет моложе своего избранника. Он часто гостил в семейном имении Цинандали, где собирался цвет аристократического общества того времени. Имение располагалось в живописной плодородной Кахети на берегу реки Алазани.

На протяжении своей жизни Александр Грибоедов неоднократно посещал Тифлис, где продолжал писать свои произведения, в частности “Грузинскую ночь”. Помимо творчества, Грибоедов занимался также общественной деятельностью, он способствовал открытию нескольких уездных училищ, училища восточных языков, коммерческого банка, Тифлисской городской газеты, участвовал в организации библиотеки.

Совсем недолго прожил Грибоедов с очаровательной молодой женой. В Персии, где он выполнял важную дипломатическую миссию российского полномочного

министра, он стал жертвой толпы фанатиков. Грибоедова жестоко убили в 1829 году. Когда новость о его гибели дошла до молодой жены, с ней случился преждевременные роды, ребенка спасти не удалось. Сын Грибоедова, которого успели крестить и назвать в честь отца, прожил всего несколько часов.

Наиболее известные грибоедовские места в Тбилиси: Пантеон, Тбилисский Сион, поместье Чавчавадзе близ Телави.

Грибоедов был похоронен в монастыре св. Давида на горе Мтацминда, возвышающейся над Тбилиси. Рядом находится могила его жены, пережившей мужа на 28 лет. Она так никогда и не вышла больше замуж. Её прозвали “Чёрная роза”, потому что она никогда не снимала чёрное платье — траур по мужу.

Именем Грибоедова названо много улиц по всей Грузии, а в Тбилиси ему установлен памятник на набережной реки Кура.

На снимке: могила А.С. Грибоедова в Тбилисском Пантеоне на Мтацминда.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА, СОЕДИНЯЮЩАЯ БЕРЕГА И БАШНИ ЗАМКОВ НА СКАЛАХ СМОТРЕЛИ ТРОЗНО СКВОЗЬ ТУМАНЫ

Наше увлекательное и познавательное путешествие по Военно-Грузинской дороге продолжается. Оно тем более познавательно и увлекательно, что нашими спутниками в этом путешествии являются выдающиеся деятели русской культуры. Каким же предстал перед ними этот необыкновенный край?

19 мая 1836 года Е. М. Языкова писала брату Николаю Михайловичу: "Он [Пушкин] любит вас... весь вечер почти говорил об вас". В близкой Пушкину манере Н. Языков описал Дарьяльское ущелье в стихотворении "А. Д. Хрипкову" (1842):

Вот горы и Кавказ! Сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет:
Несется буря белых волн,
По звонкому руслу, с глухим,
громовым гулом,

Гоня станицу валунов!

Александр Дмитриевич Хрипков, которому посвящено стихотворение, был живописцем-пейзажистом, приятелем Н. М. Языкова.

К числу выдающихся русских писателей, живших и творивших в прошлом столетии в Грузии, относится и Яков Петрович Полонский. В 1846 году он прибыл в Грузию морем из Одессы, служил в Тбилиси помощником редактора газеты "Закавказский вестник". Здесь создал Я. Полонский замечательные стихотворения ("Прогулка по Тифлису", "Грузинка", "Грузинская песня", "Горная дорога в Грузии", "Грузинская ночь", "В Имеретии", "Кахетинцу", "Тамара и певец ее Шота Руставель", "Саят-Нова", "Н. А. Грибоедова" и др.), рассказы ("Делибаштала", "Тифлиссские сакли", "Квартира в татарском квартале", "Два незнакомца — живой и мертвый"), драму "Дареджана, Имеретинская царица", многочисленные очерки, статьи и рисунки, в которых реалистически воспроизвел Грузию в духе "натуральной школы" Белинского и Некрасова.

В Тбилиси Я. Полонский издал две поэтические книги "Сазандар" (1849) и "Несколько стихотворений" (1851), основную мысль которых выражают его же слова: "Родная Грузия была для нас свята!"

Собирая материал для своих художественных произведений и газетных статей, Я. Полонский много разъезжал по Грузии. Побывал он во Мцхета, Душети, Ананури

и т. д., зафиксировав свои впечатления в виде замечательных рисунков — "Село Авчалы на реке Куре", "Душет", "Аул в горах" и др.

Летом 1851 года Я. Полонский уехал из Грузии. Покидал он полюбившуюся страну по Военно-Грузинской дороге, выразив свои впечатления в стихотворении "На пути из-за Кавказа":

Душу, к битвам житейским готовую,
Я за снежный несущу перевал.
Я Казбек миновал, я Крестовую
Миновал — недалеко Дарьял. —
Слышу Терек волны тревожные
В мутной пене по камням шумят —
Колокольчик звенит — и надежные
Копи юношу к северу мчат.

Казалось бы, после Пушкина, Лермонтова и некоторых других русских писателей Дарьяльское ущелье, Терек, Казбек должны были прочно войти в сознание русских читателей. И тем не менее, каждая встреча с ними производила особое, неповторимое впечатление. Так произошло, в частности, с русским литератором Евграфом Александровичем Вердеревским, который приехал в Грузию летом 1853 года, редактировал здесь газету "Кавказ", в 1855 году издал в Тбилиси известный литературный альманах "Зурна", сочувственно встреченный многими выдающимися современниками, в том числе Н. Г. Чернышевским.

Е. Вердеревский был автором ряда поэтических и прозаических книг. В одной из них, носящей название "От Зауралья до Закавказья" он описал свое путешествие по Военно-Грузинской дороге. "Останавливаясь, выхожу из экипажа, — читаем в этой книге, изданной в Москве, — и остаюсь недвижен посреди дороги: передо мною во всем ее блеске снеговая линия Кавказского Хребта, с неописанно-прекрасным Эльбрусом... Нет, опасения мои были напрасны: чтение чужих впечатлений не испортило во мне новизны и силы моего собственного первого впечатления при взгляде на это чудо природы. Но я не стану его описывать; под карандашом моим являются не описания, а строки невольного лиризма". Таких проникновенных страниц, посвященных сказочной природе Грузии, в книге Е. Вердеревского очень много. Здесь и восторженное описание Дарьяльского ущелья, и любопытное опи-

сание Терек, который, по словам автора, является "героем Дарьяльского ущелья, — главным лицом, главным актером на сцене, для которой кулисами служат ужасные каменные громады, как бы сближающиеся друг с другом", и величественная картина пробуждающегося Казбека, и лирическое описание Кайшаурской долины...

Особое внимание Е. Вердеревского привлек древнейший храм Степанцминда. "На вопрос: по какому рисунку, какой художник создал этот храм, — писал он, — тут же готов и живой ответ: простой каменщик-грузин выкладывает из гранитных плит, которые сам же и тешет. Преддверие храма в виде часовни и в стиле церкви — прелесть! Что за вкус, что за тщательная работа! Каждый камень как будто листок изящного альбома, подклеиваемый осторожной рукой переплетчика, — бережно укладывается около соседнего камня и опрятно соединяется с ним цементом... Должно признаться, что отлично-хороши строители в Грузии, что чувство архитектурной красоты здесь развито до значительной степени".

В конце октября 1851 года, желая поступить на военную службу, Лев Николаевич Толстой вместе с братом Николаем, служившим офицером в Кавказской армии, отправился по Военно-Грузинской дороге в Тбилиси для сдачи военных экзаменов. Будущий великий русский писатель не вел никаких записей, дневников, да и в немногочисленных дошедших до нас письмах отозвался об этом путешествии весьма скупко. И тем не менее он отметил, что поездка была "приятнейшей из-за красоты местности, по которой мы проезжали". Из письма Николая Николаевича мы узнаем, что его брат Лев Толстой, будучи в Казбеги, осмотрел церковь Цминда Самеба (Святой троицы), воспетую А. Пушкиным в стихотворении "Монастырь на Казбеке".

В Грузии Л. Толстой серьезно занялся литературным творчеством — 12 ноября 1851 года он писал Т.А. Ергольской: "Помните, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы, так вот я послушался вашего совета — мои занятия, о которых я вам говорил — литературные. Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу".

Речь здесь идет о первом крупном произведении Л. Толстого "Детство", которое он завершил в Тбилиси, а затем послал Н. А. Некрасову в "Современник", где повесть и была опубликована в 1852 году. В столице Грузии Л. Толстой создал также отрывок "Для чего пишу люди?".

Зимой 1883 года по Военно-Грузинской дороге проехал выдающийся русский писатель-реалист Глеб Иванович Успенский. Он направился в Грузию по совету врачей.

Впечатления Г. Успенского нашли отражение в его замечательном художественном очерке "На Кавказе", свидетельствующем о том, сколько интересных материалов, связанных преимущественно с развитием капитализма в России, положением народных масс дала писателю эта поездка. Но как бы ни был увлечен писатель социально-экономическими проблемами, он не мог не отдать должного пейзажу Военно-Грузинской дороги.

Путешествие Г. Успенского началось из Владикавказа. "Владикавказ, — читаем в его очерке, — низенькие, малороссийского типа домики, утопающие среди высоких, с детства знакомых и милых тополей, близость и величие гор, обступающих его с юга, даже все это не производило того впечатления, которое должно было произвести после снегов, трескучих морозов и вьюг три дня назад покинутого севера. "Хорошо, но мне все равно", — вот что говорили расслабленные нервы. То же самое или почти то же самое говорили они и в то время, когда ранним пасмурным, пахнущим вечерней влагой утром мы, усевшись в почтовой карете, выехали из Владикавказа в горы...

Нужен был, однако, хороший удар по нервам со стороны матери-природы, чтобы окончательно "попрать смерть" этого удушающего человеческого смысла... Этот "удар" нанесла нам одна из бесчисленных выдумок непонятной природы, которыми полны эти места. Звать эту выдумку "Гудауром"... Чтобы иметь представление о том неожиданном ужасе, который вдруг, неожиданно-негаданно, ... как молния поражает вас, когда вы неожиданно узнаете, на какой дьявольской высоте вы находитесь и в какую бездну вы стремитесь, — необходимо сделать некоторое сравнение. Голая цифра 3.500 футов не дает вам представления об этой высоте. Но если я скажу, что Исаакиевский собор в Петербурге имеет (если не ошибаюсь) только 350 футов, то высота Гудаура, с которой вам приходится съезжать, это 10 Исаакиевских соборов, поставленных друг на друга... И шум в ушах, головная боль, следствие неожиданного, чересчур уж великолепного (для знатоков) впечатления, до того сокрушали физически, что и доехав до станции Млеты, где... можно было отдохнуть, я не переставал чувствовать и ужас, и страх, и боль, и замирание сердца, и какое-то смутное, непрерывное трепетание нервов".

Предыдущие публикации о Военно-Грузинской дороге - в №1,2,3 за 2019 г. и в №1(4) за 2020 г. нашего приложения.

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

НАМЕСТНИК ВОРОНЦОВ:
ГРАЖДАНИН, ВОИН,
ТОПОНИМ, ПАМЯТНИК

←
больше обычного, Воронцов был так раздосадован, что выпалил на грузинском: “Рамдени мэдзина! Сколько же я спал!”

В 1845 году появился Ботанический сад. Вырубили сололаксские сады и застроили эту часть города домами. С той поры этот городской район считается в Тбилиси престижным. Фактически только при Воронцове город начали восстанавливать от последствий персидского нашествия 1795 года. Планировка центральных районов Тбилиси сложилась именно в те годы.

Имя Михаила Воронцова, как умелого реформатора и прогрессивного общественного деятеля, в последнее время все чаще упоминается в грузинских медиа и социальных сетях. Интересные публикации в прессе, телевизионные и радиопередачи, впечатляющие документы возвращают нас в ту далекую пору, когда по воле и при участии этого человека на Кавказе и, в частности, в Тифлисе происходили весьма важные перемены.

“Известно, что Воронцов придавал огромное значение культурному сближению народов и всячески способствовал любым начинаниям в этой области, — пишет в социальной сети Аида Агаджанова. — Он стал инициатором и учредителем первого в городе драматического театра, который начал свою деятельность при дворце наместника осенью 1845 года”.

Идея Воронцова прижилась и скоро стало понятно, что городу необходимо постоянно действующее театральное помещение. Как обычно, встала проблема денег. Поскольку и без театра в городе проблем хватало, средства на постройку надо было искать в частном секторе. Дело это новое, какую выгоду может принести театр, было непонятно, потому предполагалось, что помещение должно содержать в себе и коммерческую составляющую. Так возникла идея сочетания театра и торгового центра. Именно с этой идеей Воронцов обратился к местному купечеству.

Условия, разработанные Воронцовым, гласили:

1. Здание должно быть построено за 3 с половиной года и земля (735 кв.саж.) передана в вечное и потомственное владение тем, кто выстроит здание.

2. Все лавки и торговые помещения, включенные в план здания, владельцы имели право отдавать в наем — для собственной пользы.

3. Театральная часть здания принадлежит городу и доходы от него, а также текущие ремонтные работы берет на себя город.

4. Городские власти следят за ходом строительства и если оно

не будет выполнено в срок — половина доходов от торговли будет поступать в городскую казну до полного устройства театра.

После продолжительных переговоров с тифлисским купечеством и безуспешного поиска требуемых средств Воронцов сообщил, что вынужден обратиться за помощью к частному лицу, готовому вложить в реализацию проекта свои личные деньги. И такой человек, готовый “рисковать”, нашелся — это был Гавриил Иванович Тамамшев - купец 1-й гильдии и известный благотворитель.

26 августа 1846 года Воронцов написал письмо в Губернскую строительную комиссию: “Почетный гражданин Гавриил Тамам-

“лишь под Вашим, полным отеческой заботы блестящим правлением удостоилась процветания и человеческого существования. Пройдут многие годы, преемники Ваши займут здесь поочередно Ваше место, но Вас нам никто не заменит! Долго, очень долго придется привыкать нам к новому правителю”. Генералу Орбелиани вторит известный грузинский мыслитель Арчил Джорджадзе: “Эпоха Воронцова превратилась в век возрождения грузинской культуры... Политика, проводимая Воронцовым, была именно такова, какую в течение веков стремились найти во властных кругах России грузинская политическая мысль — преданность и тесная связь с Россией, а взамен

шев предлагает выстроить в Тифлисе, на Эриванской площади, по утвержденному плану, каменное здание для театра и лавок, с тем чтобы как земля, так и само здание по окончании постройки поступили в вечное и потомственное его владение и чтобы город имел право пользоваться театром навсегда без платы”.

Соглашение было заключено 4 ноября 1846 года. “К подлинному контракту Тифлисский гражданин Гавриил Иванов сын Тамамшев руку приложил. При заключении контракта председательствовал гражданский губернатор генерал М. Ермолов. Присутствовали: губернский предводитель дворянства князь Орбелиани, начальник работ инж.-полк. Сонин, член кол.асс. Леус, архитектор Белой и другие”, — писала газета “Кавказ”.

Торжественная закладка здания состоялась 15 апреля 1847 года.

Передовые люди Грузии высоко оценивали реформаторскую деятельность князя Михаила Воронцова.

Поэт-генерал Григор Орбелиани обращался к царскому наместнику с такими словами: “Грузия

— обеспечение культурно-национального возрождения...”

“Уже после смерти графа на Кавказе ходила поговорка: “До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер”, — вспоминает историк Амиран Урушадзе.

25 марта 1867 г. в Тифлисе открыли памятник первому кавказскому наместнику Михаилу Воронцову. Интересную информацию о подробностях этого события разместил в социальной сети Мамука Гогитидзе:

“Идея воздвигнуть памятник Воронцову родилась еще при наместнике А.Барятинском, который испросил на это высочайшее разрешение у императора, “дабы для осуществления общей народной признательности Светлейшему князю Вороноцову открыть сбор средств во всех сословиях на сооружение монумента в Тифлисе”.

Император Николай Первый поддержал инициативу, повелев в число суммы на сооружение памятника князю выделить от себя лично 3000 рублей, а от имени великих князей еще 2000 рублей. К началу 1858 г. поступило пожертвований на 25000 рублей, а к следующему году общая сумма составила 36104 руб. 44 3/4 коп.

“Означенная сумма денег, образовалась не столько из пожертвований лиц, располагающих достатком, тысячами, сотнями, десятками рублей или даже рублями, сколько из скромных копеек, поступавших из среды народной, не располагавшей обильными средствами...” — писала газета “Кавказ”.

Известный русский художник профессор С.-Петербургской академии художеств Пименов 1 февраля 1860 г. принял на себя обязанность изготовления брон-

кете выступили с тостами генерал-адъютант князь Г.Д.Орбелиани, князь И.А.Грузинский, действительный статский советник П.И.Иоселиани и др.” — говорилось в газете “Кавказ”.

Увы, в 1923 г. большевики памятник Воронцову сняли.

Правда, в Тбилиси с той поры укоренился новый топоним “Воронцовский”, как до сих пор горожане называют площадь, на которой был установлен памятник, мост и весь квартал вокруг площади и моста.

С момента сноса памятника прошло уже 98 лет, но память об улыбающемся правителе осталась. Именем Воронцова в современном Тбилиси называют кафе и отели, а грузинские интеллектуалы периодически заводят речь о желательности восстановить монумент полюбившемуся наместнику.

Насколько это реально? Ведь памятник скорее всего уничтожен, как уничтожались в годы советской власти многие уникальные культурные ценности.

Впрочем, возможно, в нашем случае ситуация не столь безнадёжна. Вот какую интересную информацию разместил недавно в Фейсбуке уже упомянутый Мамука Гогитидзе:

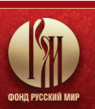
“Друзья! Сегодня весь день провел в спецхранилище Музея истории Грузии на Черепашьем озере и столкнулся с одним интересным фактом. Может, кто-нибудь поможет разобраться в нем.

Ранее писали, что в Музее идет инвентаризация и ряд экспонатов перенесли в спецхранилище, в том числе и статую Воронцова. Как водится, прежде чем упаковать скульптуру в ящик и поставить пломбы, ее сфотографировали. Но есть один момент. В литературе и во всех документах упоминается, что памятник был отлит в бронзе, а этот экземпляр, как ни странно, сделан из... мрамора. И это при том, что во всех сопроводительных документах указано: памятник Воронцова в Музее находится с 1923 года, то есть сняли и сразу же направили в музей. Тогда же разобрали постамент, а пушки, окружавшие памятник, пустили на переплавку. Следовательно, памятник хранится в музее уже 98 лет. Но почему он не в бронзе, а в мраморе — вот в чем вопрос?”.

Вот такая удивительная история, которая, как мы надеемся, будет еще иметь продолжение. Так что, будем ждать.

Николай ЧАГУЛИШВИЛИ.

На иллюстрациях: М.Воронцов, молодые годы; особыми страницами в биографии будущего наместника стала битва при Бородино.

ПРИМЕЧАНИЕ: В логотипе приложения (стр.1) - изображения равноапостольных святых: царя Мириана и царицы Наны, а также великого князя Владимира и великой княгини Ольги, при которых в Грузии (IV в.) и на Руси (X в.) приняли христианство.